

Т. Б. ИЛЬИНСКАЯ

Петербургская духовная журналистика в 70-е гг. XIX в.

В статье рассматривается феномен религиозной журналистики (в терминологии XIX века — духовной журналистики). Анализ таких периодических изданий, как «Церковно-общественный вестник», «Русский рабочий», «Православное обозрение» и др., позволяет прийти к выводу, что принадлежность к религиозной журналистике определялась ни ведомственной принадлежностью, ни читательской аудиторией, а сосредоточенностью издания на религиозной проблематике. Тематическое и стилистическое своеобразие материалов рассматриваемых изданий было созвучно эпохе общественно-политических реформ, когда предпринимались серьезные попытки разомкнуть конфессиональные границы религиозной периодики.

Ключевые слова: религиозная журналистика; духовная журналистика; «Церковно-общественный вестник»; «Русский рабочий».

T. B. IL'INSKAYA

Spiritual journalism of St. Peterburg in the 1870s

The article deals with the phenomenon of religious journalism (in the terminology of the 19th century — spiritual journalism). The analysis of such periodicals as Church-Public Bulletin, Russian Worker, Orthodox Review, and others, leads to the conclusion that belonging to religious journalism was determined neither by departmental affiliation, nor by the audience, but by the publication's focus on religious problematic. The thematic and stylistic originality of the materials of the publications in question was consonant with the era of social and political reforms, when serious attempts were made to break confessional boundaries of religious periodicals.

Keywords: religious journalism; spiritual journalism; "Church-Public Bulletin"; "Russian Worker".

Понятие «религиозная журналистика» достаточно часто встречается в современной публицистике. В терминологии XIX века был более употребителен другой термин — «духовная журналистика». В наиболее активном и авторитетном издании 1870-х годов — в «Церковно-общественном вестнике» — существовала рубрика «Духовные журналы», где давался обзор наиболее значимых статей, появившихся на страницах «Православного обозрения», «Христианского чтения», «Православного собеседника». Относительно проблемы терминов следует сказать, что рассматриваемому в данной статье феномену соответствуют пять обозначений. Религиозная, христианская, православная, церковная, духовная журналистика — эти выражения часто идут на равных применительно к ситуации XIX века (поскольку католическая, протестантская, старообрядческая, а также мусульманская периодика появляются в Петербурге только после манифеста о веротерпимости 1905 года).

Что же входит в понятие «религиозная журналистика»? Как думается, его не определяет ни ведомственная принадлежность (лишь немногие из журналов были синодальными изданиями), ни читательская аудитория (обращена преимущественно к духовному сословию лишь богословская периодика, вроде «Трудов Киевской духовной академии»), а сосредоточенность издания на религиозной проблематике (разумеется, и Достоевский в журнале «Гражданин», и И. С. Аксаков в газете «Москвич» писали о вере и церкви, но это не было главной темой издания).

Религиозная журналистика — это довольно широкий поток в российской печати второй половины XIX века. В Петербурге выходило 10 журналов этого типа («Домашняя беседа», «Странник», «Христианское чтение», «Церковная летопись», «Дух христианина», «Листок духовной библиографии и журналистики», «Сборник протоколов Общества любителей духовного просвещения», «Церковно-общественный вестник», «Церковный вестник»); в Москве издавалось 6 духовных журналов («Душеполезное чтение», «Православное обозрение», «Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения», «Воскресная беседа», «Миссионер», «Братское слово»).

Половина этих журналов появилась в 1860-е годы — знаменательную эпоху в истории духовной печати, которую один из церковных писателей того времени назвал «утром России». Тогда, в 60-е годы, в православной журналистике возникает яркая полемика о путях сближения православия с современной жизнью, — полемика, отозвавшаяся в таких петербургских духовных изданиях, как «Странник» и «Домашняя беседа». Петербургские журналы «Дух христианина», «Странник», московское «Православное обозрение» воспринимались как новое слово в контрасте с прежней «робкой сдержанной и бесцветной духовной журналистикой» [1, с. 9–10]. На этом фоне сложная эпоха 1870-х годов, ознаменовавшая в российской церковной истории обер-прокурорством Д. А. Толстого, не столь ярка, как 60-е. Она выглядит как некоторое затишье, в ней чувствуется усталость от несбывшихся надежд, о духовенстве начинают говорить как о «несчастной среде, в которую самые законодательные меры не только не проникают, но даже не затрагивают поверхности ее» [4, с. 1].

Но, с другой стороны, именно в 1870-е годы, через 10–15 лет после начала реформ, которые коснулись и религиозной сферы, появляются ростки новой христианской жизни. Это выразилось и в крупных религиозных движениях, как народных, так и великосветских, и в разного рода личных инициативах (создание братств, попечительств, обществ, домов трудолюбия). Именно в эту эпоху в середине 70-х в Петербурге почти одновременно начинают издаваться два новых журнала — «Церковно-общественный вестник» и «Русский рабочий», появление которых можно расценивать как знамение времени.

Оба журнала возникают благодаря частной инициативе. За издание «Церковно-общественного вестника» (1874–1885) взялся опытный журналист, более 10 лет издававший петербургскую газету «Современный листок» (1863–1874) Александр Иванович Поповицкий, известный публицист-богослов, поместивший много статей в «Страннике», «Христианском Чтении», «Журнале Министерства Народного Просвещения», «Мирском Вестнике», всегда высказывавшийся за свободу совести и за права науки. Сын астраханского священника, выпускник петербургской духовной академии, не принявший сана, он хорошо знал ту среду, о которой писал на страницах своего журнала.

Напротив, издательница и редактор «Русского рабочего» (1875–1886) Мария Григорьевна Пейкер — светская дама, посвятившая себя общественной деятельности в христианском духе (так, она была директрисой тюремного комитета, которым по ее почину и ее стараниями было устроено в Петербурге «убежище для женщин, освобождаемых из тюремного заключения», этим убежищем Пейкер несколько лет деятельно заведовала). В числе других форм христианской деятельности она предприняла издание иллюстрированного народного журнала «Русский рабочий», где помещала и свои произведения.

Таким образом, оба издания — «Церковно-общественный вестник» и «Русский рабочий» — появились в результате религиозных поисков их основателей, не удовлетворенных состоянием современной церковной жизни. Видимо, поэтому наиболее значительны те материалы этих изданий, которые вызваны попытками редакций найти новые пути христианского возрождения.

Тактика издателей была настолько различна, что можно говорить о непрямой полемике «Церковно-общественного вестника» и «Русского рабочего».

В «Церковно-общественном вестнике», ориентированном на образованных читателей как светского, так и духовного сословий, появляется много острых статей о задачах духовной журналистики: «наша духовная журналистика обнаруживает крайне мало участия к современности» [5, с. 1]. Еще более сильной критической направленности были публикации, посвященные недугам современной православной церкви. В соответствии с провозглашенными задачами издания — формировать «правильное понимание современного состояния отечественной церкви» [6, с. 1], часто публиковались остро критические материалы: «Читателям нашим известно, что изображаемые нами явления из современной церковной жизни не всегда отличались радужным колоритом» [6, с. 1]. Одним из наиболее ярких публицистов «критического» направления был известный духовный писатель калязинский священник Иоанн Белюстин, смело обличавший упадок христианского настроения в современном обществе. В статье «По вопросу об монастырских имуществах» он пишет «о необходимости хоть сколько-нибудь поднять нравственный уровень прикрывающихся монашеским костюмом», «чтобы монашеская институция сделалась наконец нравственно-влияющим элементом в жизни общества» [7, с. 3]. Типичное для «Церковно-общественного вестника» освещение вопросов современного сектантства идет не в обличительном духе, а через анализ причин отпадений от православия, в числе которых называются несостоятельность церковно-приходской общины и нередкое превращение пастырей в чиновников. И в этом, по мнению журналистов, не только вина духовного сословия, но и беда. Нищета сельского клира, его униженное положение, архаическое образование — вот, по мнению публицистов «Церковно-общественного вестника», истоки слабости просветительского влияния духовенства.

Своеобразие «Русского рабочего» совсем другого рода. Адресованный читателю из народа, журнал издается в назидательном направлении: пересказы эпизодов Священного Писания с иллюстрациями, нравоучительные рассказы и стихи, даже гигиенические советы наполняют его страницы. Одна из главных тем издания — трезвость, и, в отличие от других народно-религиозных изданий, писавших о чудотворных иконах и акафистах, «Русский рабочий» призывает читателя к опоре на собственные духовные силы. «Русский рабочий» часто трактуется как первое протестантское издание в Петербурге, особенно в современных интернет-материалах об истоках протестантской журналистики. Однако этот вывод делается лишь на основании того, что М. Г. Пейкер была почитательницей лорда Редстока, проповедовавшего в Петербурге с весны 1874 г. Ничего специфически протестантского в журнале нет: издание сосредоточено отнюдь не на догматических, а на этических проблемах. Каких-либо антиклерикальных намеков в «Русском рабочем» не могло быть, поскольку издание проходило духовную цензуру. Напротив, на страницах журналы немало рассказов, героями которых становятся православные священники, особенно сельские. Но все же главная тема «Русского рабочего» — не чудотворения, не рассказы о святых, не церковная история — акцент перенесен на внутреннюю жизнь человека, на его духовные усилия.

Как можно заметить, рассматриваемые издания по-разному строят свою просветительскую миссию: тактика «Русского рабочего» — это воспитание читателя в духе общехристианских ценностей, а «Церковно-общественного вестника» — призыв общими усилиями возродить церковную жизнь.

Эти противоположные подходы к делу христианской миссии видны в трактовке сходных тем. Так, оба издания помещают много материалов об искажениях веры — о современных суевериях. «Церковно-общественный

вестник», передавая сообщение о том, как три выпускницы престижного частного пансиона (зимой, босиком и в легких белых платьях) совершали какой-то магический обряд у Троицкой церкви на Петербургской стороне, прибегает к методу просветительского комментирования: «...до какой степени господствует у нас суеверие даже в относительно образованных слоях общества» [8, с. 6]. В «Русском рабочем» разоблачение предрассудков идет в беллетристической форме. В рассказе из деревенского быта, где немалое место занимают персонажи низшей мифологии, роль резонера отведена крестьянскому мальчику: «Вася поднял свою курчавую головку и весело засмеялся: „Полно, матушка, сколько раз я говорил тебе, что нет вовсе этих твоих домовых, да лешиев. Живут они лишь в головах темных людей“...» [2, с. 27].

Обращает на себя внимание стилистический контраст изданий. Безусловно, главная проблема обоих журналов — проблема стиля. И в «Церковно-общественном вестнике», и в «Русском рабочем» видны эти поиски языка для разговора с читателем о вопросах веры. «Болезнь» «Церковно-общественного вестника» — тяжелый семинарский слог (за исключением отдельных публикаций). Этот стилистический диссонанс между своими материалами и культурным опытом светского читателя осознавал и сам журнал. В статье «Духовные журналы» об этом говорится как о серьезном препятствии для диалога с читающей публикой: «Наша духовная журналистика к концу истекшего года заметно обеднела. Едва найдешь две-три статьи, которые бы можно было прочитать с интересом. Пользуемся случаем сказать, что вообще отсутствие популярного элемента в духовной журналистике резко бросается в глаза и, без сомнения, составляет один из серьезных недостатков нашей периодической печати» [9, с. 3].

У «Русского рабочего» была другая стилистическая проблема. Образцом для редакции служили английские назидательные издания. Поэтому слог издания, где много материалов принадлежит перу самой М. Г. Пейкер, тоже по-своему архаичен: его сентиментальность сродни карамзинской эпохе. Вот каким языком говорит журнал с читателем из народа (курсив мой. — Т. И.): «Читатель, умеешь ли ты сказать нет, когда дурные товарищи, дурной пример, дурные побуждения твоего сердца, влекут тебя ко злу? Взгляни на картинку: вот, Ивана осаждает толпа товарищей; уговаривают его идти с ними в питейную; старая привычка клонит туда же <...> Но Иван не поддается. „Нет, братцы, не стану пить“ — говорит он решительно и, *несмотря на упреки и насмешки, он отрывается от соблазнительей* и спокойно, твердым шагом, возвращается домой...Иван сумел сказать нет, а последствие этого то: что жена его прежде больная, грустная оборванная, — теперь смотрит весело и одета прилично, что дети его сытые, чистенькие, посещают школу <...> что сам он, здоровый телом и душою, живет он честно, трудолюбиво и под благословением Божиим» [3, с. 40].

Таким образом, можно говорить о непрямой стилистической полемике обоих журналов. Поиски языка для разговора со светским читателем о религии и благочестивой жизни идут в двух разных направлениях: «Церковно-общественный вестник» пытается разомкнуть границы конфессионального языка; «Русский рабочий» ищет точки соприкосновения между сентиментальным благочестием и народной речью (и кстати, преуспевает на этом пути: из года в год язык публикаций становится все более естественным для народного издания).

В этих поисках — как стилистических, так и содержательных — оба издания были созвучны настроениям эпохи, шедшей под знаком сближения религии и повседневной жизни. Заслуга этих скромных журналов в том, что их публикации представляли собой две противоположные попытки размыть

границы между церковной и светской журналистикой и шире — между традиционно церковным и светским миром. В их попытках говорить светским языком, лишенным благостной елейности или семинарской тяжеловесности, можно усмотреть предысторию того диалога между духовным и светским миром — диалога, через столетие состоявшегося в трудах о. Александра Меня и митрополита Антония Сурожского.

Наряду с этим можно отметить родственность как «Русского рабочего», так и «Церковно-общественного вестника» журналистике эпох религиозного возрождения и поставить их в ряд религиозных изданий, с интересом читаемых и светской публикой (начинают этот ряд в конце XVIII века новиковские журналы «Утренний свет» и «Вечерняя заря», продолжает «Сионский вестник» А. Ф. Лабзина, издававшийся в последние годы царствования Александра I, отмеченные мистическими веяниями; затем следуют издания 1860–1870-х годов.; следующая эпоха сближения церковных и общественных интересов наступает в 1905 году, и, наконец, в постперестроечные годы появляются журналы «Фома», «Вода живая», газета «Кифа», публикации которых напоминают журналистские поиски создателей «Русского рабочего» и «Церковно-общественного вестника»).

Созвучие (при всей разнонаправленности) «Русского рабочего» и «Церковно-общественного вестника» проявилось и в близости их судьбы: они появляются и сходят со сцены почти одновременно, оказавшись не ко двору в победоносцевскую эпоху, когда становится востребованной другая, назидательная или специально-богословская, религиозная журналистика.

Л и т е р а т у р а

1. Знаменский П. В. Богословская полемика 1860-х гг. об отношении православия к современной жизни. Казань, 1902. С. 9-10.
2. Русский рабочий. 1875. № 7. С. 27.
3. Русский рабочий. 1875. № 10. С. 40.
4. Церковно-общественный вестник. 1878. № 10. С. 1.
5. Церковно-общественный вестник. 1877. № 46. С. 1.
6. Церковно-общественный вестник. 1877. № 54. С. 1.
7. Церковно-общественный вестник. 1877. № 58. С. 3.
8. Церковно-общественный вестник. 1875. № 1. С. 6.
9. Церковно-общественный вестник. 1878. № 4. С. 3.